

К 100-летию ПИ РАО

М.И. Лисина

Роль общения в психическом развитии ребенка

Лисина Мая Ивановна
(1929–1983)

Доктор психологических наук профессор. Специалист в области возрастной и педагогической психологии. Ее научная деятельность неразрывно связана с Психологическим институтом, в котором она была аспиранткой, научным сотрудником, а с 1962 г. до конца жизни заведовала лабораторией психологии детей раннего и дошкольного возраста. С 1976 г. возглавляла отдел возрастной психологии Института. Член редколлегии журнала «Вопросы психологии».

Основные труды:

- Роль ориентировки в превращении реакций из произвольных в произвольные (1957)
- Влияние отношений с близкими взрослыми на развитие ребенка раннего возраста (1961)
- Зависимость формирования навыка от ориентировки на продукт или процесс работы (1962)
- Развитие познавательной деятельности у детей первого полугодия жизни (1966)
- Возникновение и развитие непосредственно-эмоционального общения с взрослыми у детей первого полугодия жизни (1974)
- Общение с взрослыми у детей первых семи лет жизни (1978)
- Генезис форм общения у детей (1978)
- Формирование личности ребенка в общении (1980)
- Развитие познавательной активности детей в ходе общения с взрослыми и сверстниками (1982)

Из сказанного выше следует, что личность людей складывается только в их отношениях с окружающими людьми, и лишь в отношениях с ними функционирует этот, по меткому замечанию Э.В. Ильенкова, «конкретный ансамбль социальных качеств человеческой индивидуальности» (1979, с. 200). По-видимому, есть известная доля правды и в том, что становление внутреннего мира человека неразрывно связано с общением. Но наиболее существенным в указанном отношении нам представляется тезис Л.С. Выготского о том, что все высшие психические функции человека первоначально формируются как внешние, то есть такие, в реализации которых участвует не один, а минимум два субъекта. И лишь постепенно они становятся внутренними, превращаются из «интерпсихических» в «интрапсихические» (Выготский Л.С., 1983). Разработка взглядов Л.С. Выготского привела к созданию советскими психологами оригинальной концепции детского развития, в рамках которой развитие ребенка понимается как процесс присвоения детьми общественно-исторического опыта, накопленного предшествующими поколениями человечества (Запорожец А.В., Эльконин Д.Б., 1964; Психология личности..., 1965; Леонтьев А.Н., 1983). Опыт описанного рода овеяствен в продуктах материальной и духовной культуры людей, но он скрыт в них таким образом, что непосредственно усмотреть его нельзя — новое поколение может извлечь его только при помощи старших, которые с этой точки зрения являются как бы живыми носителями общечеловеческого опыта (Эльконин Д.Б., 1978б). Общение со старшими для маленького ребенка служит единственно возможным контекстом, в котором он постигает и «присваивает» добытое людьми ранее. Вот почему общение — главный фактор общего психического развития детей. Важно подчеркнуть, что при этом общение играет решающую роль не только в обогащении содержания детского сознания, определяет опосредствованное строение специфически человеческих психических процессов.

Три группы фактов доказывают решающую роль общения в общем психическом развитии ребенка:

- 1) изучение «детей-маугли»;
- 2) исследование природы и причин так называемого госпитализма;
- 3) прямое выявление влияния общения на психическое развитие в формирующих экспериментах.

«Детей-маугли» изредка находят среди животных (главным образом волков), и они всегда привлекают к себе пристальное внимание ученых и неспециалистов. Результаты психологического

исследования детей, выросших в изоляции от общества, обнаруживают у них глубокое и необратимое недоразвитие (Davis R., 1940; Gesell A., 1941). Правда, выяснить связь психической отсталости с изоляцией от человеческого общества до сих пор строго не удается (см., например, критический анализ некоторых случаев этого рода у Л. Стоуна (Stone L., 1954)). Но сегодня никто не сомневается, что приспособление к жизни среди животных вызывает у маленького ребенка, попавшего в их среду, отклонение от пути, по которому обычно идут человеческие дети. Без поддержки взрослых он не использует свою природную способность стать «человеком разумным», а затем, по-видимому, и вовсе ее теряет. Увы! «Маугли» и «Тарзаны» не прекрасные люди с гордой осанкой и светлым взором, управляющие царством зверей, как их рисуют книги и фильмы, а передвигающиеся на четвереньках существа, полностью зависящие от вскормивших их животных.

Явление госпитализма обнаружилось при первых попытках наладить внесемейное воспитание оставшихся без родителей маленьких детей. В конце прошлого и начале нынешнего века появились частные и государственные приюты, которые вскоре превратились в «фабрики ангелов» — так велика была смертность, особенно в первые месяцы и годы жизни детей. Дети, которые оставались жить, резко отставали в общем физическом, и особенно в психическом развитии: к 3 годам они не владели простейшими навыками самообслуживания, не соблюдали опрятность, почти не говорили, плохо поддавались воспитательным воздействиям, проявляли поразительную пассивность или, напротив, суетливость и агрессивность. Описанный комплекс и получил название госпитализма. Грубые формы госпитализма привлекали внимание общественности также в период второй мировой войны, когда в европейских странах многократно увеличилось количество сирот.

Драматические картины госпитализма нарисовал в своих работах Р. Спитц (Spitz R., 1945, 1946а, в). Он наблюдал, например, детей одного детского дома, которые с 3 мес. воспитывались без родителей. При хорошем питании и уходе 37% из них погибли в первые 2 года. В живых остался 21 ребенок, младшему было к описываемому автором моменту 2 года, а старшему — 4 года 1 мес.; 5 из них совсем не умели передвигаться и сидеть, 3 лишь сидели без поддержки, 8 ходили с посторонней помощью и 5 — самостоятельно, 12 детей не умели есть с ложки, 20 — сами одеваться. Поразительно слабым было развитие речи детей: 6 из 21 не говорили совсем, 12 произносили по 2–5 слов и лишь один умел составлять фразы. Р. Спитц описал особое невротическое состо-

Основные труды:

- *Влияние общения с взрослыми на психическое здоровье ребенка воспитание (1982)*
- *Проблемы и задачи исследования речи у детей (1985)*
- *Некоторые особенности развития фонематического слуха в раннем возрасте (1985)*
- *Генетические проблемы социальной психологии (1985)*
- *Проблемы онтогенеза общения (1986)*

яние детей, назвав его «аналитической депрессией»; его симптомами были печаль, замыкание ребенка в себе, ареактивность, заторможенность, потеря аппетита, бессонница.

Р. Спитц, а также другие психологи — сторонники неопрейдистского направления связывают госпитализм с отсутствием материнского ухода за ребенком. Широко применяя английский термин *mothering* (Schaffer R., 1977) — «материнская забота», образованный от слова *mother* — «мать», и не особенно думая о точном научном анализе его содержания, эти исследователи видят в контактах младенца с матерью проявление примитивных социальных влечений ребенка и устраняются от исследования действительной природы содержания этих контактов¹.

Несомненная заслуга У. Голдфарба (Goldfarb W., 1943, 1944), М. Риббл (Ribble M., 1943), Р. Спитца (Spitz R., 1945), а также А. Фрейд и С. Данн (Freud A., Dann S., 1951), Х. Рейнголд (Rheingold H., 1959) и др. состоит в том, что они привлекли внимание ученых и практических работников к общению маленьких детей с близкими взрослыми, показали его великую роль в правильном развитии ребенка и гармоническом формировании его личности, подчеркнули значение самых первых месяцев и лет жизни для замыкания содержательных, глубоко насыщенных контактов детей со взрослыми. Но — вольно или невольно — работы неопрейдистского направления настроили людей против общественного воспитания детей и тем самым тормозили развитие его сети и усовершенствование его методов. Используя термин *mothering*, исследователи из психоаналитической группы акцентировали незаменимость именно биологической матери и роковой для ребенка характер разлуки именно с нею — родившей его женщиной. Р. Заззо (1967) отмечал, что во Франции работницы боятся отдавать детей в ясли, опасаясь, что «там из них сделают дураков», а напуганы они были как раз популярными лекциями неопрейдистского типа.

Между тем ничего фатального в разлуке с матерью для ребенка нет. Конечно, если мать жива и мо-

¹ Более подробный обзор некоторых работ этого направления можно найти в нашей статье (1961) и в критической статье Л. Ярроу (Yarrow L., 1961).

жет воспитывать ребенка, естественно, проще и лучше всего, когда она сама занимается своими детьми. Ее интерес к ним, ласка, забота имеют, надо думать, определенную биологическую основу, как у всех видов, детеныши которых рождаются беспомощными. Но природная основа — лишь то, с чего начинается развитие родительской любви у человека. Если у животных инстинкты продолжения рода и заботы о потомстве — темное, слепое чувство, то любовь родителей к своим детям — это светлая, высокая, истинно нравственная эмоция, сочетающаяся с пониманием того, что дети — наследники дела отцов, его вершители и продолжатели. Поэтому посторонний человек в принципе способен заменить ребенку мать — целиком, если тот остался сиротой, или частично, если мать есть, но работает. Нужно только, чтобы этот человек четко осознавал свою ответственность и ясно понимал, что и как он должен делать с ребенком. И вот здесь необычайно важна роль науки — нормальной физиологии, педиатрии, педагогики и, конечно, психологии.

Первыми в мире достигли успехов в искоренении госпитализма советские педиатры и физиологи, установившие, что главной причиной этого тяжелого состояния является недостаток контактов маленького ребенка-сироты со взрослыми, или «дефицит общения», по выражению Н.М. Щелованова. Вместе с Н.М. Аксариной он создал научные основы воспитания в нашей стране детей раннего возраста в яслях и домах ребенка, поставив во главу угла педагогическую работу с ними с первых дней жизни и поместив в центр этой работы общение персонала с воспитанниками (Воспитание детей, 1955). Новый подход к ребенку привел к искоренению госпитализма в советских детских учреждениях закрытого типа (домах ребенка, дошкольных детских домах).

Правда, искоренить госпитализм мало — нужно еще постоянно следить за тем, чтобы он не появился снова (Кистяковская М.Ю., 1970). Последние десятилетия психологи всех стран заняты разработкой путей усовершенствования воспитания ребенка в детских учреждениях разного типа. Значение последних признают теперь во всем мире: в США (White B.L., 1975), Англии (Leach P., 1979), Швеции (Carlsson V., Carlsson L., Akerman M., 1976) и в социалистических странах (Шмидт-Кольмер Е., Атанасова-Вукова А., 1980). В Польше и Чехословакии пробуют создавать детские учреждения нового типа (например, «семейные» детские дома), в Венгрии постоянно совершенствуют систему воспитания в детском доме, в частности педагоги М. Винце, Э. Пиклер, А. Тардош и др. (см.: Davit M., Arpef G., 1973). И это понятно. Ведь традиции семейного воспитания складывались тысячелетиями, а общественное воспитание, в общем, дело и детище XX в.

Психологи считают, что в общественной сфере все еще сохраняется основа для сглаженных, мягких форм госпитализма, и поэтому ученые и практики не долж-

ны ослаблять свои усилия, постоянно работая над развитием и усовершенствованием воспитательных воздействий на детей.

Итак, полная изоляция детей от взрослых, по-видимому, не позволяет им стать людьми и оставляет на положении полуживотных. Недостаточность контактов со взрослыми («дефицит общения») тоже драматическим образом влияет на психическое развитие ребенка, снижая его сопротивляемость болезням, темп психического развития и его уровень, достигнутый в младенческом и раннем возрасте. Однако надо признать, что факты, указывающие на роль общения в развитии ребенка и относящиеся к двум рассмотренным выше группам, являются результатом крайне неблагоприятных условий. Никто не создает их специально, и никто не будет намеренно воспроизводить их в научных целях. Но отсюда следует вывод о том, что их убедительность невелика. Ведь в каждом описанном в литературе случае действовал целый комплекс условий, сравнительное значение которых невозможно проконтролировать. Так, «дети-маугли» встречаются чрезвычайно редко, и трудно выяснить, были ли они вполне здоровы до того, как попали на воспитание к зверям, получили ли они там физические и психические травмы и пр. Дети с признаками госпитализма обычно рождаются у родителей с различными социальными болезнями, их чаще всего не желают и не ждут, или даже пытаются избавиться от них в начале беременности, их появление на свет часто сопровождается патологическими родами и т. д. Поэтому отсутствие матери и дефицит общения накладываются на целый ряд других неблагоприятных факторов, значение которых заведомо также велико. Вот почему мы придаем особое значение группе позитивных фактов, демонстрирующих роль общения в развитии ребенка, полученных не в отрицательно влияющих ситуациях, а путем целенаправленного включения общения в жизнь детей и выявления возникающих при этом сдвигов. Когда мы приступили 20 лет назад к исследованию генезиса общения детей, таких фактов никто еще систематически не собирал. Поэтому мы поставили перед собой в качестве одной из главных задач установить влияние общения с окружающими людьми на общее психическое развитие ребенка: путем интенсификации и целенаправленного формирования контактов ребенка с ними. Тем самым мы намеревались получить прямые экспериментальные доказательства основного тезиса советской детской психологии о том, что развитие психики ребенка совершается на основе усвоения им опыта предшествующих поколений, в контексте общения с живыми его носителями — старшими детьми и взрослыми. Это подтвердило бы в сфере детской психологии верность общего тезиса о том, что «развитие индивида обусловлено развитием всех других индивидов, с которыми он находится в прямом или косвенном общении» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 440). <...>

Пути влияния общения на психическое развитие детей

Проведенные под нашим руководством исследования позволяют проследить некоторые пути, по которым осуществляется воздействие общения на те или иные стороны психики ребенка.

Так, для самых маленьких детей очень важно, что взрослый — необыкновенно богатый источник разнообразных воздействий. Младенец, еще не умеющий передвигаться и вынужденный ожидать, когда неподалеку от него что-то случится, в лице взрослого имеет динамичный объект, приближенный к нему (особенно при кормлении и гигиенических процедурах) на самое лучшее для эффективного восприятия расстояние. Взрослый одновременно адресуется к разным чувствам ребенка — зрению, слуху, обонянию и осязанию; он стремится привлечь внимание младенца, варьируя, видоизменяя свои воздействия с учетом реакций младенца; взрослый сосредоточенно ловит еще такое неустойчивое, слабое внимание детей. Таким образом, общение с ухаживающим за ним взрослым становится для ребенка источником не сравнимых ни с чем других ярких, переменчивых и лично адресованных ему воздействий, без которых младенец может испытывать недостаток впечатлений.

Сторонники необихевиористского направления часто говорят о «сенсорном голоде» детей (Yarrow L., 1961). Но механистический подход к общению в рамках этого направления приводит их к ложным выводам. Так, например, Л. Каслер (Casler L., 1965) полагает, что чем больше взрослых ухаживают за ребенком, тем лучше для детей: ведь количество воздействий при этом увеличивается! Между тем частая смена воспитателей вредна для младенца: он не успевает установить личностные связи ни с одним из них, не может уловить их индивидуальных требований, становится беспокойным и тревожным. Поэтому понимание достоинств взрослого как *объекта* для восприятия младенца необходимо соотносить с учетом его гораздо более важных качеств как *субъекта* общения с ребенком. Там, где объектные качества вступают в конфликт с субъектными (как при бесконечной смене воспитателей), первые идут во зло. Кроме того, с возрастом, когда активность детей многократно повышается и они способны сами легко отыскивать новые впечатления, бродя по дому или за его пределами, значение объектных качеств взрослого уменьшается.

Еще один путь воздействия общения на развитие детей — это обогащение опыта ребенка. Взрослый знакомит малышей с книгами, берет их с собой в путешествия, он открывает для них мир музыки. Да и в самом общении взрослый, обращаясь к детям и откликаясь на их призывы, дает детям возможность испытывать сладость утешения, впервые открыть для себя радость взаимопонимания, несравненное удовольствие от сопереживания, от чувства общности, совпадения своих мнений и оценок со взглядами мудрого и намного более опытного старшего человека.

Далее, в общении взрослые нередко прямо ставят перед детьми задачу овладеть каким-то новым знанием, новым умением. Настаивая на решении задачи, взрослые добиваются того, что ребенок с нею справляется. В качестве примера можно сослаться на овладение речью. Ничто в предметной действительности не заставляет ребенка заговорить. Лишь требования взрослых да реально создаваемая ими необходимость вынуждают ребенка проделать гигантский труд, который для этого требуется. Когда ребенок овладевает словом, перед ним раскрываются поистине необозримые горизонты для развития мышления и самосознания, для овладения самым ценным в копилке человеческого знания. Однако мы не хотим, чтобы сказанное было воспринято как согласие с позицией психологов, считающих, что приобщение ребенка к человеческой культуре — это насильственная акция ломки каких-то природных тенденций детей (такой взгляд восходит к З. Фрейду // Уэллс Г., 1968). Напротив, мы постоянно наблюдаем в своих исследованиях, что ребенок, состоящий в тесном общении со взрослым, с огромным желанием стремится походить на него, действовать по его образцу. В отношении речи и предметных действий это отлично описал на примере своего внука Андрея Д.Б. Эльконин (1978). В общении задача, выдвигаемая взрослым, естественно, с готовностью принимается ребенком; в общении ребенок черпает и энергию для ее решения.

И тут мы обнаруживаем еще один путь влияния общения на развитие психики детей — это подкрепление взрослым усилий ребенка, их поддержка и коррекция. Нет сомнения, что открытый И.П. Павловым (1949) закон образования временных связей в самом широком смысле слова приложим к рассматриваемому случаю. Любимый ребенком взрослый, значимый для него человек своим одобрением подкрепляет его успешные действия, способствует их закреплению, а упрек взрослому играет для него роль дифференцировочного, отрицательного сигнала и ведет к тому, что ребенок отказывается от неодобряемого действия, затормаживает его. Однако мы хотели бы предостеречь от упрощенной и потому ложной интерпретации, которую получили законы высшей нервной деятельности (ВНД) И.П. Павлова у сторонников бихевиористской концепции «социального научения» и «обусловливания» (Skinner B., 1943; Stevenson H.W., 1965; Бижу У., Баер Д., 1966; Вгаск У., 1967). Они не учитывают особой природы подкрепления, возникающего в ходе общения между людьми, и видят лишь количественные различия между голодом в прямом смысле слова, «сенсорным голодом» и «голодом на общение» (Gewirtz J., 1959v, 1961). В результате социальная по своей природе коммуникативная деятельность превращается в общебиологическую активность, и для ее понимания охотно привлекаются результаты опытов с животными, например знаменитых опытов Х. Харлоу с макаками-резусами (Harlow H., Harlow M., 1970). Между тем влияние словесно выраженной оценки

взрослого на деятельность ребенка можно понять лишь в том случае, если проанализировать ее подкрепляющее (в терминах учения о ВНД) действие с учетом не только динамических, но, прежде всего, содержательных особенностей происходящего при этом процесса. А для этого приходится выйти за рамки физиологии и проделать специфический анализ. Главное состоит в том, чтобы понять природу коммуникативной потребности, на которой основано подкрепляющее действие исходящих от взрослого мнений и оценок. Но об этом мы поговорим подробно в следующей главе.

Важнейший путь влияния общения на психическое развитие детей состоит в том, что ребенок в контактах со взрослым наблюдает его деятельность и черпает в ней образцы для подражания. Мы не склонны описывать указанное явление с помощью термина «идентификация», поскольку он тесно связан с фрейдистской концепцией. В последние годы его охотно применяют психологи различных направлений, но, на наш взгляд, едва ли правильно использовать понятие, выдвинутое в рамках неприемлемой теории, — ведь оно обязательно носит печать использования его для иных целей. «Идентификация» чрезмерно расширительно объединяет разнообразные явления, куда входит в качестве частного случая и стремление следовать примеру любимых, вообще, значимых людей. Кроме того, это понятие не позволяет проследить связь такого стремления с общением. Мы же связываем указанное стремление с отношением ко взрослому, которое складывается у ребенка в процессе коммуникативного взаимодействия с ним.

Мы не ставили целью исчерпывающим образом указать все пути влияния общения со взрослыми на развитие психики в онтогенезе, а хотели назвать лишь те из них, которые имеют основное значение для детей раннего дошкольного возраста.

Все сказанное выше относится главным образом к общению ребенка со взрослыми. Но на детей, несомненно, воздействует также и общение со своими сверстниками. В научной литературе пока нет единого мнения о роли и путях влияния общения с ровесниками на развитие психики маленького ребенка. Это отмечают У. Хартап (Hartup W., 1970), Дж. Брайан (Bryan J., 1975), Я.Л. Коломинский (1976) и многие другие психологи. В нескольких своих публикациях (Лисина М.И., 1980; Лисина М.И., Галигузова Л.Н., 1980) мы постарались рассмотреть этот вопрос. Основываясь на наблюдениях общения между детьми раннего и дошкольного возраста, мы выдвинули гипотезу, согласно которой контакты ребенка с ровесниками имеют основное значение для раскрытия его творческого, оригинального начала. Отсутствие ограничений и запретов старших способствует, по нашим данным, повышенной раскованности детей и их свободному самовыявлению. Выдвинутая нами гипотеза в настоящее время проверяется в экспериментальных исследованиях сотрудников лаборатории психичес-

кого развития и воспитания дошкольников в НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР.

Итак, мы рассмотрели, что такое общение. Подведем краткий итог сказанному.

Напомним, что мы определили общение как взаимодействие двух или более людей, направленное на согласование и объединение их усилий с целью налаживания отношений и достижения общего результата.

Общение всегда тесно связано с деятельностью, и само может рассматриваться как особый вид деятельности. «Общение» и «коммуникативная деятельность» для нас синонимы.

Для анализа общения можно использовать общепсихологические концепции деятельности. Мы воспользовались теорией деятельности, разработанной в советской психологии А.Н. Леонтьевым.

Общение выполняет многообразные функции в жизни людей. Мы выделяем среди них 3 функции: организации совместной деятельности, формирования развития межличностных отношений и познания людьми друг друга.

Значение категории общения определяется тем, что оно позволяет вскрыть общественную сущность человека и его личности, а также понять развитие психики ребенка как процесс, происходящий путем присвоения детьми общественно-исторического опыта человечества в контексте реального общения со взрослым, живым носителем этого опыта.

Решающая роль общения в психическом развитии ребенка доказывается глубоким и необратимым недоразвитием детей, выросших в изоляции от человеческого общества («дети-маугли»); явлениями госпитализма, наблюдающимися при дефиците общения детей со взрослыми; позитивными фактами, полученными в формирующих экспериментах.

Влияние общения на психическое развитие маленького ребенка происходит следующим образом:

- 1) благодаря благоприятным «объектным» качествам взрослого, сочетающимся с его свойствами как субъекта общения;
- 2) благодаря обогащению взрослыми опыта детей;
- 3) путем прямой постановки взрослыми задач, требующих от ребенка овладения новыми знаниями, умениями и способностями;
- 4) на основе подкрепляющего действия мнений и оценок взрослого;
- 5) благодаря возможности для ребенка черпать в общении образцы действий и поступков взрослых;
- 6) вследствие благоприятных условий для раскрытия детьми своего творческого, самобытового начала при общении их друг с другом.

(Лисина М.И. Формирование личности ребенка в общении. — СПб: Питер, 2009.)